

Г.Е.ВЕРЕЩАГИН И ПРОБЛЕМЫ УДМУРТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

(к 225-летию первой удмуртской грамматики)

Мне бы хотелось посвятить данную статью не только юбилейной дате, обозначенной в её названии – 225-летию со дня издания первой удмуртской грамматики, книги “Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка” [Соч.], но и ряду других замечательных и по своему круглых дат, связанных с историей филологической мысли пермских народов: 150-летию коми-зырянской грамматики П.И.Савваитова (1815–1895), 140-летию издания грамматики коми-пермяцкого языка, составленной Н.А.Роговым (1825–1905) (Роговь 1860), 120-летию выхода в свет первого сборника произведений удмуртского фольклора (1854–?) (Гавриловъ 1880), 150-летию со дня рождения первого удмуртского ученого Г.Е.Верещагина (1851–1930), которое отметит удмуртский народ в 2001 г., и 105-летию публикации Г.Е.Верещагиным работы “О книгахъ на вотскомъ языкѣ” [О кн.], содержащей важнейшие его мысли о путях формирования удмуртского литературного языка. По крайней мере, все эти факты и события из истории духовной культуры пермских народов найдут соответствующее место в данной работе.

1. Основные лингвистические взгляды Г.Е.Верещагина, первого удмуртского ученого, педагога-просветителя, этнографа, фольклориста, поэта и писателя, нашли реализацию в двух его опубликованных трудах (“О книгахъ на вотскомъ языкѣ” [О кн.] и “Руководство къ изучению вотскаго языка” [Руков.]), а также в рукописных работах (“Удмурт грамматика кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын” [Удм. грамм.], удмуртско-русский и русско-удмуртский словари), хранящихся в рукописном фонде Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

2. В этих трудах Г.Е.Верещагин первым из удмуртских ученых еще в конце XIX в. остро поставил проблему создания единообразного языка для письма и книгопечатания, возникшую в его сознании в связи с анализом языка переводных книг. Так, характеризуя переведенные на удмуртский язык издания, ученый пишет, что они не приносят большой пользы для удмуртского народа в смысле повышения его грамотности и уровня духовной культуры, ибо эти переводы

произведены с нарушениями грамматического строя удмуртского языка, с одной стороны, и предназначены для носителей определенных местных диалектов, и поэтому для жителей иных диалектных территорий не совсем доступны, - с другой [О кн.: 2].

Необходимость создания общеудмуртского книжно-письменного языка он особенно ярко выразил в предисловии к своей рукописной грамматике: “Язык вотяков словами скуден; здесь говорят так, а там — иначе. Пусть будет один язык. Прежде и у русских в языке был безпорядок. Грамматика появилась, и стал один язык. Таким надо быть и вотскому языку. Пусть говорят одним языком” (Удм. грамм.: 1).

В приведенной цитате в данный момент для нас представляют интерес следующие положения: 1) переводные книги, изданные для удмуртов одного диалектного ареала, недоступны для носителей других диалектов; 2) удмуртам необходим общепонятный язык для письма и книгоиздания; 3) залогом формирования единого книжно-письменного языка является создание (научной) грамматики удмуртского языка.

В удмуртских переводах со старославянского и русского языков Г.Верещагин отмечает следующие особенности, которые затрудняют пользование ими: 1) переводы составлены для носителей определенных диалектов (“для какого нибудь извъстнаго мѣста”); 2) они страдают буквализмом и “отступленіемъ отъ важнѣйшихъ правилъ” удмуртской речи, поэтому неудачны даже для носителей тех диалектов, кому они предназначены; 3) характеризуются тяжелым, неудобным для чтения слогом и 4) в их графике встречаются “лишніе и неудобнопроизносимые по описаніямъ” знаки [О кн.: 2]. В частности, он обращает внимание на буквы *ѣ* и *ѵ* в книге Б.Гаврилова “Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній” (Казань, 1880).

Правда, упреки Г.Верещагина в адрес Б.Гаврилова в связи с тем, что последний использовал вышеназванные буквы, в особенности *ѵ*, не вполне обоснованны: во-первых, “Произведения...” Б.Гаврилова не перевод, а сборник оригинальных фольклорных текстов, записанных с сохранением диалектных особенностей, и наличие в его графике ряда специфичных знаков обусловлено попыткой точной в фонетическом отношении фиксации диалектной речи; во-вторых, предложенное Г.Верещагиным буквосочетание *ju* вместо гавриловского *ѵ* абсолютно неприемлемо по той простой причине, что оно обозначает йотирован-

ный гласный¹, в то время как в гавриловском *j* йотированность отсутствует.

2.1. Исполнение проекта о создании общепонятного языка Г.Верещагин предлагает начать, воспользовавшись опытом “Грамматики зырянского языка” П. И. Савваитова и грамматики пермяцкого языка Н. А. Рогова [О кн.: 20], с реформы удмуртской графики [О кн.: 3–9], включающей следующие моменты:

1) для обозначения йотированных гласных следует использовать буквосочетания *ja, ji, jo, jö, jy*, в результате чего будет достигнут “правильный выговор многочисленных вотских слов”, например: *сјала* ‘рябчик’, *јӧл* ‘молоко’, *јыр* ‘голова’ и др. (эти слова признаются: *сяла, йӧль, йыр*);

2) твердый знак, употребляемый для обозначения велярности предшествующих согласных, заменить слогоотделительным знаком ‘:’ *сін’јос* ‘глаза’, *тур’јос* ‘тетерева’, *с’і* ‘почтёніе, почитаніе’ (следует читать: *син’ёс, тур’ёс, с’и*);

3) из букв *и* и *і*, обозначающих один и тот же звук, сохранить лишь *і*;

4) буквы *й* и *ь* заменить одной буквой *j*, которая в сочетании с предшествующим согласным обозначает палатальность последнего, а после гласного – фонему *й*: *пенj* ‘зола’, *тунjы* ‘ложка’, *јусj* ‘лебедь’, *сјуj* ‘глина’, *туj* ‘береста’ (произносятся: *пень, туньы, юсь, сюй, туй*). В этой связи хотелось бы напомнить опыт употребления в удмуртской графике буквы *j* в иероглифической функции – для единообразной записи яркого дифференциального признака в анлауте слова различных удмуртских диалектов: “Буква *J* у Казанских вотяковъ произносится какъ *дь*, у Вятских вотяковъ она произносится какъ *г*” (Гавриловъ 1880: 4). Это орфографическое правило с определенным уточнением сохранилось в учебной литературе еще и в начале XX в.: “*J*. Та букваез Вятскій удмортьёс *й* кадик чырдо: *йыр, йулташ*. Казанскій удмортьёс *дь* кадик чырдо: *дьыр, дьултош*. Со гожтыське кыллэн азяз гынэ”²;

¹ “*ÿ* стоить въ одномъ же отношеніи къ звукамъ: русскому *ю*, французскому *ue* и нѣмецкому *ju*. Да и зачѣмъ было вводить этотъ знакъ (*ÿ*), когда у-в соединеніи съ *j*- составляетъ такъ называемую йотированную гласную (*ju* (или *ÿu*) = *ю*)...” [О кн.: 3].

² “*J*. Эту букву вятские удмурты читают как *й*: *йыр* ‘голова’, *йулташ* ‘друг’. Казанские удмурты читают как *дь*: *дьыр, дьултош*. Она пишется лишь в начале слова” [Перв. кн.: 67].

5) вместо привычных буквосочетаний *дж* и *дз*, обозначающих звонкие аффрикаты *ǰ* и *ǰʰ* соответственно, ввести, по опыту Н.А.Рогова, буквы *дж* но *дз*: *джу* 'мохь', *джок* 'столь', *дзюлжыри* 'воробей' и др. (следует произносить: *джуи*, *джокь*, *дзельгыри*);

6) наряду с *ч* ввести в алфавит букву *ч*: *тачэ* 'этакий', *сычэ* 'такой', *кочэ* 'какой'. В данном случае Г.Верещагин в результате механического заимствования этой буквы из грамматики Н.Рогова (Рогов 1860: 3) попадает впросак: если буква *ч* использована Н.Роговым согласно его декларации ("Ч есть усиленное ч, состоящее из *т* и *ч*, выговариваемых вместе; например: *кычэ* 'куда', *тачэ* 'сюда'" [Рогов 1860: 3]) для фиксации звуко сочетания *тч*, то удмуртский ученый ошибочно применил его для обозначения велярной аффрикаты *ч*. И в конечном счете он был вынужден признать: "Впрочемъ, знакъ этотъ не особенно и нуженъ, такъ какъ различіе между изображаемымъ имъ звукомъ и звукомъ *чи* не очень большое (точнее, вообще отсутствует – В. К.). Онъ необходимъ только для лингвистическихъ статей" [О кн.: 6];

7) для фиксации фонемы *ч* использовать букву *чи*, рекомендованную Н.Роговым: *чыи* 'дымь', *кочыи* 'кошка', *чыана* 'галка', *чужем* 'солод';

8) устранить букву *и*, который служит для обозначения носового сонанта, составляемого "изъ *и* и *з*", поскольку эта фонема, по его мнению, встречается лишь в Елабужском уезде и заимствована из татарского языка, тем более, что "различія особеннаго между чистымъ *и* и этимъ звукомъ нѣтъ" [О кн.: 7];

9) сочетание *к* с *у* (неслоговым *у*), встречающееся в анлауте слов перед *а*, обозначить латинской буквой *q*: *qала* 'шалаш', *qажы* 'коростель', *qалем* 'раковина', *qара* 'голос' (произносятся: *к'а'ла*, *к'а'жы*, *к'у'алемъ*, *к'у'ара*). По поводу утверждения Г.Верещагина: "Не введенъ составителями и переводчиками вотскихъ книгъ в свой алфавитъ... необходимый латинский знакъ *q*..." (О кн.: 7-тѣ б.) замечу, что В.А.Ислентьев еще в 80-е гг. XIX в., намного раньше работы Г.Верещагина, предложил отметить неслоговой *у* (*ў*) буквой *ў* (*к'ўазь* 'погода', *к'ўак* 'куст', *к'ўажы* 'коростель, дергач') (Кельмаков 1999: 23);

10) устранить многообразие букв, используемых для фиксации одной и той же фонемы. Так, например, для обозначения неогубленного/огубленного (в зависимости от диалекта) гласного среднего ряда среднего подъема *ö* различные авторы пользуются следующими буквами: М.Веске – *ÿ* (*ÿ*), миссионерское общество – *ö* и Вл. Ислентьев – *ö*, ср.: (Веске) *ÿс* ~ (мисс. об-во) *ös* ~ (Ислентьев) *öс* 'дверь'. (Вес-

ке) *нѣкы* ~ (мисс. об-во) *нѣкы* ~ (Ислентьев) *нѣкы* 'сливки, сметана'. Сам же Г.Е.Верещагин наиболее приемлемой считает букву *ѡ*, которая впоследствии и утвердилась в современной и некой другой графике. И нек. др.

Предложенная Г.Е.Верещагиным реформа удмуртского письма по-своему, может быть, интересна и заслуживает определенного внимания, однако она на рубеже XIX и XX вв. не могла быть принята по следующей причине: система удмуртской графики и орфографии, основы которой были заложены еще первой удмуртской грамматикой XVIII в., к концу XIX столетия в многочисленных изданиях на удмуртском языке³ получила такие мощные традиции, что не было никакой возможности провести коренную реформу по предложениям какого бы то ни было исследователя. По большому счету, и не было смысла. Кстати, и сам Г. Верещагин в дальнейшей своей практике не использовал свои предложения.

2.2. А кто бы мог после предварительной перестройки графики и орфографии провести в жизнь идею о создании общеудмуртского языка переводов и книгоиздательства при полном отсутствии писателей и ничтожно малом количестве иных творческих работников, способных работать на ниве удмуртского просвещения? И на это счет Г.Е.Верещагин имел свою собственную позицию. По его мнению, "переводы книгъ св. писанія, равно и учебники проч., следовало поручить особой комисіи изъ имѣющихъ запасъ учености и хорошо обладающихъ тѣмъ языкомъ, на который переводится книга" [О кн.: 20]. Если же нет возможности создать такую комиссию, то в период летних каникул (в июне-августе) необходимо сделать следующее: 1) собрать в г. Казани учителей из удмуртов и с их помощью выработать общеприемлемые нормы письменного языка ("заняться фонетикой языка"); 2) затем, "когда будут избраны всѣ знаки для означенія своеобразныхъ вотскихъ звуковъ и всѣ сойдутся во мнѣніяхъ", общими силами приступить к переводу книг под руководством "лица компетентнаго"; 3) для проверки качества переводов их рукописи направить для чтения "въ различныхъ вотскихъ мѣстностяхъ" и 4) изданный перевод "ввести въ употребленіе въ сельскихъ школахъ для внѣклассныхъ чтеній". Такие переводные

³ Достаточно напомнить, что до революции 1917 г. было издано около 400 названий книг на удмуртском языке или с обильным использованием материалов на удмуртском языке [Каракулов 1994: 12].

издания могли бы использовать и священники, и учителя при изучении ими удмуртского языка [О кн.: 21].

2.3. Следовательно, общедоступный удмуртский язык переводов – иначе говоря, удмуртский литературный язык – должен впитывать, по мнению Г.Верещагина, выразительные возможности всех других удмуртских диалектов; в его разработке и совершенствовании должны участвовать грамотные носители всех структурно-территориальных вариантов удмуртского языка.

При этом ученый имплицитно считает возможным выбрать базовый диалект будущего удмуртского литературного языка, таковым, по его мнению, могло бы быть северное наречие (“глазовский диалект”):

1) “чистый вотскій языкъ, – как он пишет, – сохранился только въ названномъ (Глазовском. – В. К.) уѣздѣ” [О кн.: 7];

2) он считает неприемлемыми некоторые южноудмуртские конструкции и дает предпочтение их северноудмуртским соответствиям. Так, сочетания типа *пукись курег но душес* ‘наседка и коршун’, *ыж но ыжти* ‘овца и ягненок’ должны быть заменены, по его мнению, более правильными конструкциями северного типа “*пукись куреген, душесэн*”, “*ыжсен, ыжпін*” [О кн.: 10–12]. Эти же конструкции нередко встречаются и в его печатной грамматике, ср.: *Коркаен, кеносэн-куспын кык сажем* ‘Между избой и амбаром две сажени’; *Гондырен, адямиэн сярчы кизильлям* ‘Медведь с человеком (= медведь и человек. – В. К.) посеяли репу’ (Руков.: 28, 114);

3) хотя в его печатной грамматике [Руков.] в качестве нормы употреблены фонетические, морфологические и лексические явления, принадлежащие к самым различным диалектным зонам, однако северноудмуртские все же преобладают: при беглом обзоре мне удалось найти в ней 8 явных северизмов в области морфологии, в то время как морфологических явлений, характерных для южных и срединных говоров, насчитывается всего по 2.

3. Таким образом, Г.Е.Верещагин в основу удмуртского литературного языка имплицитно кладет северное наречие, но при этом практически использует богатые возможности и других диалектов. Творческое использование особенностей различных удмуртских диалектов в формировании текста он продемонстрировал в своих поэтических произведениях, включенных в “Руководство к изучению вотского языка”. В качестве примера приведу отрывки из трех его стихотворений с моим параллельным подстрочным переводом:

Тӧл тӧла... ялам (сев.) зоре: Веет ветер... **непрерывно** идет
дождь;
Муш уг лоба бусйын (южн.). Пчелы **в поле** не летают.
Дуринчи, шекеч бырэ. Осы, шершни погибают.
Нюлэскась ветлэ сикын (сред.)... Охотник бродит **по лесу**...

Нюлэскын (южн.) *квара бырем,* **В лесу** гомон пропал.
Луд-но (сев.), *возь-но* **И поле,** и луг почернели...
сьӧдмемын...

[Руков.: 117]

Лудын (сев.) *бубыли-но уг лоба,* Не летает и бабочка **в поле,**
Чалмыт-но тэлын (сред.), *ню-* Также безмолвно **в лесу;**
лэскын (южн.);
Педлон пиналъёс-но уг шудо; Не резвятся и дети на улице;
Ӑвӧл лобась муш бусыын Нет **в поле** летающих пчел...
(южн.)... [Руков.: 119]

Чечы отын муш-но басьтэ, И пчелы там мед собирают.
Кибь-но адске (сев.) *квар-* И букашка **виднеется** на листе;
бордын;
Отын чирдэмез кылйське Там слышится пение
Лобась уҗылэн-бурдолэн. Летучей птицы соловья.
Учкод-ке вылэ – адзиське (южн.) Если вверх посмотришь – **вид-**
неется
Каллен ветлэмез пилемлэн. [Ру- Облаков медленный ход.
ков.: 119]

В этих отрывках в пределах ограниченного текста органически сочетаются северно-удмуртское фонетическое явление (*ялам* ~ южн. *ялан*) с южным (*бусйын* ~ в сред. было бы *бусыын*); в качестве синонимов употреблены сев. *луд* и южн. *бусы* 'поле', сред. *тэль*, *сик* и южн. *нюлэс* 'лес'; северно-удмуртская (*адске*) и южно-удмуртская (*адзиське*) морфологические формы одного и того же глагола.

Как нам известно, и в первой грамматике удмуртского языка (1775) в единый поток были слиты различные диалектные струи; мы в

настоящее время, по-видимому, напрасно пытаемся найти ту единую диалектную стихию, которая составила основу ее языка. Равным образом и современный удмуртский литературный язык формировался путем органического соединения в единый сплав материалов самых различных диалектов и говоров. В этом плане Г.Е.Верещагин как своими теоретическими положениями, так и поэтическим творчеством представлял собой одно из звеньев той цепи, которая осуществила непрерывную связь между концом XVIII в., когда были изданы “Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка”, заложившие основы удмуртской графики и орфографии, с 20-ми гг. XX в., когда были установлены основные нормы современного удмуртского литературного языка.

Гавриловъ Б. Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Казань, 1880. 190 с.

Каракулов Б. И. К проблеме изучения памятников удмуртской письменности дооктябрьского периода // Духовная культура: Проблемы и тенденции развития: Тез. докл. Всеросс. науч. конф. / Сыктывкарский ун-т. Сыктывкар, 1994. Филология II: Русская литература. С. 10–12.

Кельмаков В. К. Неизвестная страница истории удмуртского языкознания: Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева: Материалы к спецкурсу. Ижевск, 1999. 59 с.

О кн. – Г. Верещагинъ. О книгахъ на вотскомъ языкѣ. Вятка, 1895. 21 с.

Перв. кн. – Михеев И. С. Первая книга для чтенія на вотскомъ языкѣ. Казань, 1907. 80 с.

Роговъ Н. Опытъ грамматики пермяцкаго языка. Санкт-Петербургъ, 1860. 166 с.

Руков. – “Удмурт”. Руководство к изучению вотскаго языка. Ижевск, 1924. 120 с.

Св. Ист. – Священная исторія Ветхаго и Новаго Заветѣ. На вотяцкомъ языкѣ. Казань, 1877. 190 с.

Соч. – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Санкт-петербургъ, 1775: 113 с. // Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975.

Удм. грамм. – Верещагин Гр. Удмурт грамматика кык кылын – удмурт кылын, дзюч кылын [Кижожтэт].